

**СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ,  
КУЛЬТУРЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ**

УДК 316.356.4:130.3

В. В. КИРИЕНКО,

*доктор социологических наук, доцент,*

*Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого, г. Гомель*

**ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК ФАКТОР  
И СЛЕДСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ**

Процесс разработки и реализации национальной модели общественного устройства осуществляется под влиянием этнонационального менталитета. В свою очередь государственные институты корректируют легенду национальной истории и культуры и таким образом корректируют характеристики этнонационального менталитета.

С обретением национального суверенитета перед Беларусью, как и перед другими постсоветскими и постсоциалистическими государствами, встала проблема построения собственной модели общественного устройства. После прохождения первых шагов в сложном процессе реализации государственной независимости наступило уяснение того факта, что общественная конструкция является работоспособной только в том случае, если она опирается на собственный социокультурный фундамент. Практика общественного реформирования убедительно продемонстрировала, что копирование североамериканских и западноевропейских политических и экономических моделей, без учета собственных национальных особенностей, культуры, обычаев, традиций, мотивационных моделей поведения, приводит к непредвиденным результатам, включая проявления откровенного национализма, шовинизма, жесткого гражданского противостояния, а зачастую - к военным конфликтам.

Опыт построения национальной государственности показал, что процесс разработки и реализации национальной модели общественного устройства в целом и каждого ее фрагмента в отдельности, в особенности на первых этапах, осуществляется под влиянием этнонационального менталитета - своеобразного «зова предков» - сильного, в значительной степени неосознанного, эмоционально насыщенного, идущего от поколения к поколению социокультурного кода. Не случайно категория «менталитет» была реанимирована именно в то время, когда предшествующая публицистическая категория «человеческий фактор», введенная в оборот идеологами перестройки, полностью исчерпала свои эвристические возможности. Будучи научно неопределенным, это понятие стало интенсивно употребляться для выражения самых неотрефлексированных реалий в экономике, политике, юриспруденции, в элементарных житейских ситуациях. В результате даже в научных публикациях слово «менталитет» стало использоваться с преимущественно негативной смысловой на-

грузкой. Как правило, особенностями национального менталитета объясняют все просчеты и все неудачи в осуществлении политического, экономического, социального реформирования общества. Анализируя структуру общества, можно выделить три его основных уровня: политический, экономический и социокультурный, или ментальный (см. рисунок).

Верхнюю часть социальной пирамиды образуют политические институты, посредством которых реализуется политическая модель общественного устройства. Публичность политической составляющей предопределяет такое ее внутреннее качество, как конъюнктурность и быстротечность. События современной истории показывают, что все общественные реформы на постсоветском и постсоциалистическом пространстве начинались с разрушения существующих политических институтов. Идеологи перестроечных событий в Советском Союзе, а затем в Российской Федерации, «бархатных», «розовых», «тюльпановых», «оранжевых» революций в постсоветских республиках декларируют одни и те же цели и проходили по одному и тому же сценарию, под одними и теми же лозунгами «общечеловеческих» демократических реформ: вместо «назначенного» Верховного Совета - выборный на альтернативной основе парламент, вместо однопартийное<sup>TM</sup> - многопартийность, вместо партийной закрытости - гласность, вместо назначения руководителей - выборность, вместо жесткого централизма - автономность территорий.

Центральную часть социального организма оформляют экономические институты, посредством которых реализуются экономические интересы индивидов, социальных групп и социальных сообществ. Экономический сегмент социальной модели по сравнению с политическим является более устойчивым и консервативным. В отличие от механизмов формирования и функционирования политических структур, особенно их представительских, парламентских органов, деятельность экономических институтов является достаточно закрытой и консервативной. История, в том числе и новейшая, показала, что



Модель взаимодействия политических, экономических и социокультурных, или ментальных, составляющих общества

Марксово положение - «политика есть концентрированная экономика» - верно только частично. Деятельность экономических структур не в меньшей мере зависит от политических институтов, вследствие чего экономическая элита ищет способы реализации своих интересов через политические структуры. Известно, что после политического Беловежского соглашения в первую очередь подверглись деформации именно экономические структуры.

Нижнюю, базовую составляющую, на которую опираются политические и экономические институты, организуют социокультурные, ментальные структуры. Отличительной чертой социокультурной, ментальной составляющей является ее изначальная этнонациональность. Менталитет представляет собой «спрессованную память», сильный, в значительной степени неосознанный, эмоционально насыщенный, идущий от поколения к поколению своеобразный «зов предков», вследствие чего он является «скрепом», удерживающим этнос (нацию) от распада в сложных, в том числе и кризисных, социальных условиях, обеспечивает его внутреннюю целостность как в пространстве, ибо его базовые характеристики выстраивают систему идентификационных маркеров, определяющих, где заканчивается территория, на которой живем «мы», и начинается территория, на которой живут «не мы», «другие», так и во времени (какие непреходящие общие ценности для этнонационального образования были «вчера», дороги «сегодня» и останутся духовно-ценностными ориентирами «завтра»). Таким образом, поведение не только отдельного человека, но и нации в целом наряду с экономическими интересами и политическими пристрастиями в значительной степени определяется сформированными на ментальном уровне социокультурными нормами, традициями, обычаями, предрасудками и суевериями. Известная миру практика подтверждает, что этнонациональное образование может какое-то время существовать, не имея собственной государственности и даже собственной территории, но лишившись собственной культуры, утратив свои ментальные характеристики, нация растворяется, погибает.

Политическая, экономическая и социокультурная ментальные компоненты общественного организма находятся в состоянии перманентного взаимодействия. Динамическая устойчивость общества определяется согласованием всех трех элементов. Указывая на деятельную функцию национального менталитета, его взаимосвязь с осуществляемыми социально-экономическими процессами, российский социальный философ А. С. Пантин отмечает, что в этносоциологии, интенсивно развиваемой в последние десятилетия, показано, что при сравнении США и Японии при равных технологиях японский менталитет несравненно более эффективен за счет того, что «японцы сохранили его традиционную структуру, связанную с этикой труда, ответственности, коллективного блага... народ, который их сохраняет, гораздо уютнее себя чувствует в постиндустриальную эпоху, чем тот, кто с ними расстался» [1, с. 37].

Взаимодействие политической и социокультурной ментальной составляющих особенно рельефно проявляется в трансформационные периоды. Практи-

ка общественного реформирования последних десятилетий показала, что на первых этапах построения государственности большинство политиков апеллируют как к реальным, так и мифическим историко-культурным, этнонациональным корням. В свою очередь государственные институты корректируют, а то и просто формируют собственную легенду национальной истории и культуры и таким образом корректируют характеристики этнонационального менталитета. Поскольку непосредственно на менталитет воздействовать невозможно, то осознанному либо неосознанному воздействию подвергаются социокультурные ценности, в которых укоренены ментальные характеристики.

Следует отметить, что в эклектическом соединении элементов иностранных политических, экономических и социальных технологий с отечественной духовно-нравственной культурой вина не только политиков. Под влиянием долгое время монополюльно господствовавшей марксистской философско-социологической традиции, органично вытекавшей из гегелевского рационализма, в частности постулата об объективности общественного развития, неизбежно приводящего к внеклассовой и наднациональной общественной структуре, советское обществоведение и развивавшееся в его системе человековедение явно недостаточное внимание уделяли системному анализу национально-специфических социокультурных, в том числе и этнонациональных особенностей общества. Социальная история, в том числе и новейшая, более чем убедительно демонстрирует ошибочность представлений о том, что социально-исторический процесс объективно «переплавляет» этнонациональные образования как пережитки родоплеменных форм человеческого сообщества в наднациональные цивилизационно-региональные сообщества (СССР, ЕС), а затем и в глобальное мировое сообщество. «Новая историческая общность - советский народ», как и народы бывших Югославии, Чехословакии, Молдовы и Грузии, размежевались и продолжают размежевываться не столько по социально-классовому, социально-стратификационному или политическому, сколько по конфессионально-культурному и этнонациональному признакам.

Активный интерес к этносу и к его базовой характеристике - менталитету на постсоветском и постсоциалистическом пространстве был вызван как объективными, так и субъективными причинами. Объективно ренационализация и реэтнизация явились защитной реакцией на девальвирование и деградацию социальных идеалов и базовых ценностей социально-государственных образований, релятивизацию социальных процессов, усложнение механизмов социальной жизни, деформацию государственно-цивилизационных институтов, не способных обеспечить целостность полиэтничного государственного образования. В такой ситуации этнос, его культура, история, мифы, легенды, предания, кровно-родственные связи и отношения представлялись единственно стабильными образованиями, устойчивыми реперными точками, обеспечивающими социальную устойчивость в пространстве и времени. В условиях системно трансформирующегося общества при выборе стратегических направлений жизнеустройства безобидные бытовые этнонациональные различия не-

редко перерастают в принципиальные, зачастую антагонистические противоречия, появляется острая потребность в ответах на вопросы: «Кто мы?», «Откуда мы?», «Чем мы отличаемся от других?» и, в конце концов, «Кто наши друзья?» и «Кто наши враги?»

Актуализация этнических процессов и интерес к ментальным характеристикам обуславливались, с одной стороны, необходимостью корректировки негативных последствий ошибочно выбранной стратегии на слияние народов и наций в единую наднациональную социальную общность, с другой - потребностью в восстановлении этнонациональной культуры, этнонациональной самобытности, желанием наций и этносов обустроить свою жизнь в соответствии с собственными социокультурными алгоритмами, собственным менталитетом. В этом смысле процесс реэтнизации в постсоветских и постсоциалистических странах явился столь необходимым, столь и прогрессивным. Но интерес к этнонациональным особенностям был определен не только объективными причинами, но и субъективными факторами: острым стремлением политической, экономической, культурной этнонациональной элиты к собственному самоутверждению и реализации целей, далеко не всегда совпадающих с коренными интересами народа. Коллизии, происходящие на постсоветском и постсоциалистическом пространстве, откровенные спекуляции на этнонациональных чувствах наглядно продемонстрировали, каким образом естественные этнонациональные различия в периоды социального хаоса способны трансформироваться в противоестественное межнациональное, межэтническое противопоставление и противостояние.

Таким образом, в условиях неуклонного возрастания значимости этничности, национальной специфики образа жизни народа - белорусского, украинского, немецкого и других - существенно актуализировалась проблема осмысления содержательного наполнения и корректного применения категории «менталитет». Актуальность исследования истоков, настоящего и перспектив развития белорусского менталитета определяется тем, что системная трансформация белорусского общества, построение собственной государственности, корректировка векторов внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности потребовали инструментально определить как общечеловеческие, так и отличительные особенности менталитета белорусского народа. Процесс этногенеза, формирование белорусской нации и менталитета белорусов осуществлялись в географическом, геополитическом и социокультурном центре Европы, на стыках Востока и Запада, в условиях интенсивного взаимодействия со славянскими этносами - великорусским, малоросским и польским, балтийскими — литовским и латышским, а также с евреями, татарами, цыганами. Белорусский этнос, будучи родственным как восточнославянским - русскому и украинскому, так и западнославянскому - польскому этносам вместе с тем, вне сомнения, является самостоятельным, обладающим собственными оригинальными восточно-западными культурой и менталитетом.

Принципиальным в исследовании менталитета современных белорусов является то, что начиная со второй трети XX в. важнейшие этнообразующие

факторы подверглись качественному изменению. К таковым условиям в первую очередь относятся следующие:

приобретение белорусским народом собственной государственности;

принципиальное изменение социально-профессиональной структуры населения; если в 30-е годы прошлого века Беларусь имела ярко выраженный аграрно-натуральный тип хозяйствования, то в XXI век она вступила с индустриально-промышленным типом хозяйствования, высоким научным потенциалом;

урбанизация белорусского населения; если в начале XX в. в сельских населенных пунктах проживало около 90% белорусского населения, то к началу XXI в. сельское население составляет около 30%;

белорусизация городов; в начале XX в. в полиэтничных городах удельный вес белорусского этноса составлял 10-15%, что явно не соответствовало удельному весу белорусского населения; в условиях динамической урбанистической культуры полиэтничные города явились своеобразными «плавильными котлами», в которых во второй половине XX в. осуществлялся интенсивный процесс формирования уникального этногенетического и социокультурного социогенотипа, основу которого наряду с белорусскими составили русские, украинские и польские этногенетические и социокультурные корни.

Вследствие качественного изменения природно-климатических, геополитических, социокультурных, этноконфессиональных условий в течение XX в. произошло формирование *социогенотипа современных белорусов*, в пределах которого осуществлялся и осуществляется перманентный процесс взаимопроникновения, «персплавления» культур и ментальных характеристик взаимодействующих между собой славянских народов.

#### Литература

1. Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопросы философии. - 1994. - № 1.-С. 37.